

- 31 *ibid.*, 43—44.
 32 Абуладзе И. В. Указ. соч., 433.
 33 Fährnich H. Kartwelischer Wortschatz, 36.
 34 Мачавариани Г. И. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси, 1965, 15 (на груз. яз.).
 35 Гамхрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Указ. соч., 200.
 36 Fährnich H. Abweichungen von den regelmässigen Phonementsprechungen in den Kartwelsprachen. — *Bedi Kartlisa*, vol. XXXIII. Paris, 1975, 338.
 37 Гудавя Т. Е. Лабиальные согласные перед шумными в мегрельском. — Лингвистический сборник. Тбилиси, 1979, 86 (на груз. яз.).
 38 Абуладзе И. В. Указ. соч., 448—449.
 39 Ломтатидзе К. В. Бибибиальные смычные, восходящие к комплексам в картвельских языках. Тбилиси, 1984, 35 (на груз. яз.).
 40 Fährnich H. Abweichungen. . . , 342.
 41 Сарджвеладзе З. А. Указ. соч., 117—118.
 42 Fährnich H. Kartwelischer Wortschatz. II, 44.
 43 Fährnich H. Kartwelischer Wortschatz, 37.
 44 Гигинейшвили Б. К. Указ. соч., 42.
 45 Абуладзе И. В. Указ. соч., 544.
 46 Асатиани И. Ш. Чанские (лазские) тексты. Тбилиси, 1974, 65₁₄ (на груз. яз.).
 47 Fährnich H. Kartwelischer Wortschatz, 38.

И. Г. Добродомов

К ЭТИМОЛОГИИ МОРДОВСКОГО НАЗВАНИЯ БЕРЕЗЫ¹

Мордовское название березы (мокш. *келу*, эрз. *килей*, *киленг*, *килев*, *килий*²) не имеет точных финно-угорских параллелей, хотя Б. Коллиндер без особых оговорок поместил его в следующий ряд уральских соответствий, обозначающих березу: фин. *koivu*, саам. *goaivo*, эрз. *ki-lej*, *kilej*, мокш. *ke-lu* (ср. *marlu* 'яблоня', *mar* 'яблоко'), мар. *кве*, *kugi*, *kogi* (производное слово?), манс. *kaal'*, *haal'*; ненец. *hoo*, в лесном наречии *kojka* (уменьш.), нган. *kiia*, *küje*, энец. *киа*, селькуп. *qä*, *qwa*, камас. *kojü*; сюда же он добавляет название бересты: эрз. *ki-v-gei*, мокш. *ki-j-gör*, *gi-v-gär* (при *ke'* 'кора'). В другом месте своего словаря Б. Коллиндер также сопоставил это уральское слово с соответствующими алтайскими названиями: фин. *koivu* || монг. *kusun* || тунг. *kiwö*³.

Не касаясь алтайских форм, Б. А. Серебrenников дополнил обоснованно этот ряд также пермским материалом (коми-зыр. *кыдз*, удм. *кызь-пу*, где *пу* 'дерево'), предполагая общепермскую форму *ki-zi с суффиксом собирательной множественности и первичным значением 'березняк' (ср. манс. *халляси* 'березняк' с тем же суффиксом)⁴. Раньше включал в данный ряд пермский материал Ф. П. Кешпен⁵, который не дал этому специального обоснования: фин. *koivu*, вепс. *koiv*; эст. *kõiv*, *kõo* (также *kask*); ливск. *kõv*, *kiiv*; мар. *ku'e*, *kuge* мокш. *kelu*, эрз. *kilei*; удм. *kis'*, *kic'* (*кысь*, *кыць*); пермяц. *kič'* (*кычь*); коми-зыр. *kičz'* (*кыдзь*).

В этом расширенном ряду уральских названий березы вызывают возражение лишь мордовские названия, которые явно вто-

ричны и фонетически сюда не относятся. Их место должны занять лишь первые части мордовских названий бересты (верхнего слоя березовой коры), анализируя которые (эрз. *гигерь, гигирь, кив-герь, кирьгев, кирьгов*, мокш. *гуярь, гивгыр, куйгыр, гуйгыр*), А. И. Попов пришел к выводу, «что разновидности типа *кирьгев* и *кирьгов* получились путем перестановки, а большинство других форм имеет окончание *-герь, -гирь* (эрз.), *-гярь, -гыр* (мокш.), что значит попросту 'кора', 'лубок': эрз. *керь*, мокш. *кяр*. Совершенно ясно, что первая часть: *ги-, кив-, гу-, гив-, куй-, гуй-* должна обозначать березу. Между тем мы имеем эрзян. *килей*, мокш. *келу* 'береза'. По-видимому, *гив-, кив-* и т. д. соответствует какому-то иному слову, обозначающему березу в мордовских языках и ныне отдельно неупотребительному. Это слово было сродни фин. *koivu* и другим близким финно-угорским данным. . . »⁶ Такое отделение актуальных мордовских названий березы от старых их форм, сохранившихся в составе мордовских названий бересты и гораздо больше подходящих для внутруральских (и финно-угорских) сопоставлений, имеет важное принципиальное значение для этимологических построений.

С учетом этого древнего мордовского названия березы даны построения В. И. Иллича-Свитыча, который с известной долей сомнения на основе уральских и алтайских данных восстанавливает предполагаемую ностратическую (фактически лишь урало-алтайскую) праформу:

«? *kojw|a|* 'береза': урал. *kojwa* 'береза' ~ алыт. *kīb(a)* 'береза'. урал. 'береза' || фин. *koivu* (> саам. Пите *koivū*) морд. (мокш. Адашево) *kiŋ-gâr*, (эрз.) *kiv-ger* 'береста' (сложение с *ker'* 'кора') || мар. (горн) *kođi*, (вост.) *kie* (производное на **-k*) || манс. (вост., зап.) *kēl'*, (сев.) *xāl'* (производное); обско-угор. > селькуп. (Таз) *koälj-pu*, (Карасина) *käl-pu* || ненец. *xō*, (лесн.) *kujoki* (производное на *-k-*); эн. (Хантайка) *kīā*; нган. *kuā*; селькуп. (Таз) *koä*, (Кеть) *kōe*; камас. *kojū*, койб. *kuju*, мотор. *ku*, тайги *kuo*⁷.

алт. || тунг.: эвенк. (Урулга⁸) *kīwa* 'береста, береза'; (баргузин.) *kīwō* 'береста', (другие говоры) *kīwā* 'береза'; эвен. (омолон.) *kiwa*, (другие говоры) *kīwā* 'береста'⁹. Исходная форма, вероятно, **kiba* с вокализмом заднего ряда. В остальных тунг. слово вытеснено новообразованием **čālba(n)* 'береза, береста'¹⁰, ср. **čal-* 'белый' (удэйск. *čaliki*, эвенк. *čal'ka* и др.)¹¹. К исходному **kīβ-sun* со стяжением, вероятно, восходит и монг. **ki-sun* 'береза' (монг.-письм. *qisun*, халха *xus*, бурят. *xihaŋ*, калм. *xusm*)¹².

В алт. представлена монофтонгизация инлаутного сочетания **oj*. Смежность ареалов распространения слова в урал. и алт. заставляет отнести к сближению осторожно (возможно древнее заимствование). С другой стороны, следует учесть, что индоевропейское название березы является явным новообразованием **bherH-ĝ-* 'береза' к **bherH-ĝ-* 'блестеть, белый'¹³, а в современной области распространения семито-хамитских, картвельских и дравидийских языков береза не встречается¹⁴.

Это урало-алтайское соответствие было известно авторам «Ос-

нов финно-угорского языкознания» (М., 1974, с. 47 — автор раздела И. Эрдейи) по работе Б. Коллиндера: урал. *kojwε ~ монг. **ku-* ~ тунг. *kive, однако в качестве уральского названия березы (*Betula*) дается совсем другое слово: *ñðrε > или *ñðrke >? мар. *nörğö* 'сук, ветвь', удм. *ньөр* 'ветка, прут', коми-зыр. *ньөр* то же, хант. *ñar* 'лиственный лесок', манс. *ñir* 'куст', венг. *nyír* 'береза', ненец. *ñerī* 'ива, *Salix*' (с. 403 — авторы раздела И. Эрдейи и Я. Гуя). Такая ошибочная реконструкция возникла в силу венгроцентризма последних двух авторов: ведь в приведенном ряду значение 'береза' имеет исключительно венгерское *nyír*. Мар. *nörğö* на самом деле имеет два значения 'хрящ; молодой', но в «Марийско-русском словаре» 1956 г. при этом слове приведена поговорка *nörğö воштыр лывырге* 'молодой побег гибок', на основе которой и была допущена путаница: слову *nörğö* 'молодой' было приписано значение слова *воштыр* 'побег'. Здесь обнаруживается явная зависимость от «Финно-угорского словаря» Б. Коллиндера, а также от «Венгерского историко-этимологического словаря», где русское многозначное слово *побег* было переведено соответственно: англ. *sprout* 'побег, росток', *twig* 'веточка, прутик', *young tree (one year old)* или венг. *sarj* 'побег', *hajtás* 'побег'¹⁵. В результате обратного перевода на русский язык появились загадочные 'сук, ветвь'.

Мордовское же название березы выглядит как явная мордовская инновация, в которой даже нет согласования между звучанием слова на мокшанской и эрзянской почве (мокш. -*e* при эрз. -*u*).

Даже если согласиться с делением мордовского наименования березы на две части, принятым у Б. Коллиндера (*ки-лей*, *ки-ленг*; *ке-лу*), то природа конечной части остается не вполне ясной, поскольку мордовский язык не знает подобного суффикса, а первая часть с отсутствием лабиализации гласного или лабиального согласного не очень хорошо вписывается в ряд его предполагаемых финно-угорских соответствий, зато в первой части названия бересты в большинстве случаев присутствует лабиальный согласный или лабиализованный гласный: *кив-*, *ги-*, *гу-*, *куй-*, *гуй-*. Правда, в последних случаях, возможно, имеет место народноэтимологическое сближение (паронимическая аттракция) со словом *куй*, *гуй* 'змея', что уже отмечал А. И. Попов.

Применительно к концу мокшанского *келу* следует отметить, что его сближение с суффиксальным элементом в слове *марьлю* 'яблоня' (при *марь* 'яблоко') у Б. Коллиндера основано на неточной латинской транскрипции, где не передается палатализованность согласного *л'* в *мар'лю* (*marl'u*) 'яблоня' и веларизованность *л* в слове *келу* (*ketu*) 'береза'.

Мордовское название березы сопоставимо с аналогичным названием в тюркских языках, где оно является общетюркским и представлено в следующих важнейших формах, которые даны лишь выборочно по части представления языков, но не по многобра-

зию форм: якут. *хатынг*, тувинск. *хадынг*, хакас. *хазынг*, казах. *кайынг*, чуваш. *хурán* (из более старой формы *харынг)¹⁶. Сравнение с тюркскими формами хорошо объясняет начальный *к*- и конечный *-нг* мордовского слова (эрз. диал. *киленг* считается архаизмом), но гласные и инлаутный согласный *-л-* (*-л'*-) невозможно объяснить без выбора исходной формы и построения ее эволюции, которая, скорее всего, связана с влиянием какого-то языка-посредника.

В качестве исходной можно принять древнюю чувашско-булгарскую форму типа *харынг (или *қарынг с начальным велярным смычным *қ*-, поскольку глухой заднеязычный на мордовской почве один *к*); конечный заднеязычный носовой согласный *-нг* хорошо объясняет древнейшую мордовскую форму на ауслautный согласный *-нг*.

Что касается инлаута (вокализма и срединного согласного), то он преобразовался в условиях передаточной среды, которая знала в первом слоге опереднение краткого гласного *a* > *ä*, во втором слоге неразличение гласных *и* и *ы* и совпадение их в едином гласном *и*, перед которым согласный *-р-* изменялся в *-л-*. Такими звуковыми характеристиками обладала аланская ветвь иранских языков, как это мы видим на осетинской почве, где иранский старый краткий гласный *a* приобрел передний оттенок *ä*, где в дигорском (более архаичном) наречии до сих пор нет гласного *ы* (такой гласный имеется в более инновационном иронском наречии, соответствуя дигорским гласным *и* и *у*), где в положении перед *и* древний иранский вибрант *р* переходил в латеральный согласный *л*¹⁷.

На территории Среднего Поволжья когда-то был распространен аланский язык буртасов, которые были хорошо описаны арабскими и персидскими авторами IX—X вв., но к концу XVII в. перестали существовать как особый этнос, ассимилировавшись разными народами Поволжья и вызвав длительные споры среди ученых, которые отождествляли буртасов почти со всеми народами Среднего Поволжья и оспаривали эти отождествления. Недавно сразу несколькими учеными на основании этимологических соображений об этнониме *буртас* была высказана гипотеза об аланско-иранской природе этого народа, позволившая объяснить целый ряд любопытных изоглосс в языках этого региона¹⁸.

Предложенная здесь тюркско-аланская этимология для мордовских названий березы требует выяснить причину, почему на мордовской почве старое ураль(о-алтай)ское название березы было заменено заимствованным словом. Одной из таких причин могло быть табу в условиях культа деревьев¹⁹. Именно в силу табуирования названия березы у мордвы мы имеем также сближение начальной части у некоторых мордовских названий бересты, восходящей к старому наименованию березы, с названием змеи *куй*, *гуй*, что отмечал А. И. Попов, не связывая, впрочем, это явление с табу.

В предложенной здесь болгарско-аланской версии этимоло-

гии мордовского наименования березы весьма сложной является проблема хронологии фонетических процессов на тюркско-булгарской и на иранско-аланской почвах и хронология заимствования, что осложняется не только отсутствием памятников относящихся сюда языков, но и участием в этих процессах уже исчезнувших диалектов и языков, о которых мы можем судить лишь на основе сохранившихся родственных им диалектов — чувашского для булгарско-тюркского источника и осетинского для аланско-иранского посредника.

Для анлаута хронология звуковых изменений на тюркской почве несущественна, поскольку на мордовской почве как глубокозаднеязычный глухой смычный *къ*, так и менее глубокий фрикативный *х* должны были отразиться одинаково как заднеязычный смычный глухой *к*.

Ауслаутный заднеязычный *нг*, отсутствующий сейчас в чувашском языке, тоже не вызывает затруднений, поскольку он сохранялся в болгарском языке довольно долго, как об этом свидетельствуют старые болгарско-чувашские заимствования марийского языка, в которых чувашскому новому *н* соответствует старое *нг* ²⁰.

В случае с исчезновением заднеязычного *нг* на болгарско-чувашской почве и переходом этого звука в переднеязычное *н* мы даже имеем возможность вести речь не только об относительной хронологии данного явления, но и об абсолютной датировке с точностью до полустолетия.

Это можно сделать путем анализа отражения названия города *Казань* в разных языках народов Поволжья: чуваш. *Хусан*, татар. *Казан*, рус. *Казань*, удм. *Кузон*, мар.: горн. *Хазан*, *Азан*, *Озан*, луг. *Озан*, вост. *Озанг*, *Ожанг*. Как показал еще Х. Паасонен, все эти названия в конечном итоге являются отражением старинной чувашской (булгарской) формы *Хазанг, причем большинство языков получило ее уже в несколько преобразованном виде — с переходом конечного *-нг* в *-н*, отраженном в современном чувашском языке (*Хусан* — фонетически *ХуЗан* с полувзвонким согласным *З*, в диалектах *ХоЗан*). Но особый интерес представляют восточномарийские формы *Озанг*, *Ожанг* с опущением отсутствующего в этом языке начального фрикативного согласного *Х*- и сохранением конечного заднеязычного носового *-нг*, который на чувашской почве изменился уже в *-н*. *Казань* была основана во второй половине XIV в. ²¹, и ее название распространилось после возникновения города, когда в болгарско-чувашском языке уже проходил процесс перехода *нг* в *н*, причем, вероятно, дольше всего *нг* сохранялось на востоке болгарской области, где болгарско-чувашский язык в это же время вытеснялся кыпчакско-татарским, первый датированный эпиграфический памятник которого появился в 1310/1311 г. и полное господство надблизей на котором получает с 1357 г. ²² Вероятно, в устном употреблении болгарско-чувашский язык сохранялся дольше, именно из него и распространилось название города *Казань* в языках Поволжья.

Гораздо сложнее обстоит дело со временем появления вибранта *p* на болгарской почве в системе внутритюркских соответствий *m—d—z—й—p*. Появление дрожащего *p* в этом ряду на чувашско-болгарской почве обычно относят к XIII или даже к XIV в., но есть основания датировать это явление уже IX в.²³ Последнее обстоятельство подходит для объяснения мордовского названия березы как тюркско-аланского проникновения во время существования буртасов в Поволжье.

В связи с этим следует рассматривать и вопрос о названиях наиболее распространенного в стране буртасов дерева *خلنج* *Халандж*, а также дерева *خردك* *Хаданг* — в стране (волжских) болгар, которые хорошо возводятся к тому же тюркскому источнику — тюркско-болгарскому названию березы, особенно если учесть условность принятых огласовок, для арабской и персидской передач этого слова. Впрочем, вопрос, уже породивший некоторую литературу²⁴ у востоковедов, заслуживает дополнительного изучения, причем отмечаемое иногда венгерское название березы *katang* (*katan*)²⁵ во внимание приниматься не может, поскольку оно обязано какому-то недоразумению: венгерское название березы *nyír*, уже упомянутое ранее, не имеет синонимов.

В заключение необходимо отметить, что в силу некоторого сходства анлаута старое и новое название березы в мордовских языках испытывали взаимодействие, что привело, в частности, к появлению огласовки *-u-* (вместо ожидаемого *-e-*) в первом слоге эрзянского слова при сохранении аланской огласовки с некоторой субституцией в мокшанском слове. В связи с этим помещение Б. Коллиндером нового (болгарско-аланского по происхождению) мордовского названия березы в один ряд с мордовским названием бересты, где сохранилось старое (исконное) финно-угорское название березы, можно до какой-то степени оправдать.

К рассмотренному в этих заметках материалу также привлекали енисейское название березы, которое В. Н. Топоров восстановил в виде **Hut-* с ларингалом в анлауте на основании названий березы: кетск. *ūs*, **ōs**, мн. ч. *ūsāṇ*; имб. *ūuse*, *uus'a*; кур. **ūos'e*; остяц. *ūus'a*; ар. *kus*; асс. *ūča*, *yča*, кот. *ūča*, *ūči*, *ūča*; пумп. *ūta*, а также бересты: кот. *hī*, эд. *kuj*, кетск. *qu*, *qə'j*, *kə'j* (? мн. число от названия березы). Но возможности сопоставлений оцениваются В. Н. Топоровым весьма сдержанно: «Указанные Боудой параллели из пермских языков (*kud'z*, *kuž-pi* — K. Bouda. Die Sprache der Jenissejer. — Anthropos, 1957, 52, № 1—2, 75), как и самодийские (ненец. *xō*, нган. и селькуп. *kua*, камас. *kūiш*, *koiš*, мотор. *ku*, койб. *kuju*) и финно-угорские сопоставления (фин. *koivu*, мар. *kie*, *kugi*, *kogi* и т. д.), не могут быть исключены, хотя и остаются сомнительными, если говорить о жесткой этимологии»²⁶.

При изучении заимствованных слов очень важно обращать внимание на принцип «неединичности заимствующего языка», означающий, что заимствование не ограничивается каким-либо

одним языком, а обычно встречается сразу в нескольких языках, имевших контакты с языком-источником²⁷. Это последнее обстоятельство и заставило для этимологизации мордовских названий березы привлекать материалы столь различных языков.

Примечания

- ¹ Изложено в докладе на VI Международном конгрессе финно-угроведов в Сыктывкаре (июль 1985 г.).
- ² *Евсеев М. Е.* Эрзянь-рузонь валкс. Москов, 1931, 205.
- ³ *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. Uppsala, 1955, 22, 145.
- ⁴ *Серебrenников Б. А.* Этимологические заметки. — Этимология 1968. М., 1971, 209—210. В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев (см. их «Краткий этимологический словарь коми языка». М., 1970, 150) придерживаются отвергнутой Б. А. Серебrenниковым версии: «кыздз [кыздз] 'береза' | удм. кызьпу. — Общеперм. *кыз' - 'береза' || фин. *kaski* 'пожога' карел. *kaški* 'береза' | ? хант. (обдор.) *xys* 'березовая часть лука' (Suomen kielen etimologinen sanakirja, 1. Helsinki, 1955) Лиймола склонен финское слово исключить из этого сопоставления (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, t. 125, 1962, 292) = Доперм. *кыз'е (о конечном -е см.: Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Helsinki 23—28. VIII. 1965. P. 1. Helsinki, 1968, 327)».
- ⁵ *Кеннен Ф. П.* Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени. СПб., 1886, 16 (Извлечено из Журнала Министерства народного просвещения за 1886 г.).
- ⁶ *Попов А. И.* Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, 80. Некоторые опечатки в мордовских словах исправлены по словарю М. Е. Евсеева.
- ⁷ См. *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. Uppsala, 1955, 25; Suomen kielen etimologinen sanakirja, 1. Helsinki, 1955, 208.
- ⁸ См. *Castrén M. A.* Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. SPb., 1856, 80.
- ⁹ Ср.: *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, 199.
- ¹⁰ См.: *Цинциус В. И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, 330.
- ¹¹ См.: *Василевич Г. М.* Указ. соч., 525.
- ¹² Ср.: *Räsänen M.* Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955, 27; *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. Uppsala, 1955, 145; *Collinder B.* Hat das Uralische Verwandte? — Acta Societatis Linguisticae Uppsaliensis. Nova series, 1 : 4. Uppsala, 1965, 144.
- ¹³ См.: *Pokorny I.* 139. Ср. сейчас еще: *Оранский И. М.* Есть ли этимологическая связь между русск. *береза* и тадж. *burs* 'арча'? — Этимология 1975. М., 1977, 138—140.
- ¹⁴ *Илич-Савиц В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, 300. В других трудах этого автора есть некоторые отклонения в деталях реконструкций. Г. А. Климов (Дополнения к «Этимологическому словарю картвельских языков». II. — Этимология 1983. М., 1985, 176) восстанавливает общекартвельское название березы **zaqwel-* на основе груз. *zaqwel-* 'калина', сванск. *zaqw-ra* 'береза'.
- ¹⁵ *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. Uppsala, 1955, 43; A magyar nyelv történeti-etimologiai szótára, II. V., 1970, 1047.
- ¹⁶ Более полный обзор тюркских форм см.: *Дмитриева Л. В.* Названия растения в тюркских и других алтайских языках. — Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972, 179.
- ¹⁷ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор, М.; Л., 1949, I. 202, 368, 369—370, 214.
- ¹⁸ *Lewicki T.* Ze studiów nad źródłami arabskimi, cz. III, 1. Siedziby i pochodzenie Burtasów. — Slavia antiqua. Warszawa; Poznań. 1965, t. XII, 1—14;

Pritsak O. 1) The Pečenegs. A Case of Social and Economic Transformation. — Archivum Eurasiae medii aevi. Lisse, 1975, t. 1, 229; 2) The Khazar Kingdom's Conversion to Judaism. — Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass), 1978, vol. II, N 3, p. 264; *Добродомов И. Г.* Из алапского пласта иранских заимствований чувашского языка. — Советская тюркология (Баку), 1980, № 2, с. 26—27.

- ¹⁹ О культе деревьев у мордвы см.: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. М., 1971, 119—120 со ссылкой на: *Harva U.* Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen (Folklore Fellows' Communications, Bd. LX). Helsinki, 1951, 456.
- ²⁰ *Грузов Л. П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1964, 204.
- ²¹ *В. Л. Егоров (Егоров В. Л.)* О времени возникновения Казани. — Сов. археол., 1975, № 4, 86) считает, что основание города относится приблизительно к 1370 г. Высказанное одновременно ошибочное утверждение об основании Казани в 1177 г. (Иванов В. В., Халиков А. Х. О времени возникновения города Казани. — История СССР, 1975, № 6, с. 147—156) базируется на некритическом отношении к поздним источникам.
- ²² *Róna-Tas A., Fodor S.* Epigraphica bulgarica. A volgai bolgár török feliratok. Szeged, 1973, 174.
- ²³ Подробнее см.: *Добродомов И. Г.* Отражение двух разновидностей ротадиазма в болгарских заимствованиях славянских языков. — ВЯ 1974, № 4, 112—114.
- ²⁴ *Заходер В. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе [т. I]. М., 1962, 110—112, 241—242.
- ²⁵ *Дмитриева Л. В.* Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. — Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979, 145. Некритически перенесено в академическую «Сравнительно-историческую грамматику тюркских языков. Фонетика». М., 1984, 290.
- ²⁶ *Топоров В. Н.* Из этимологии енисейских языков (К вопросу об одном ряде соответствий пумпокольскому *t*). — Этимология 1965. М., 1977, 313.
- ²⁷ *Киш Л.* О некоторых принципах этимологизирования заимствованных слов. — Этимология 1967. М., 1969, 70.